

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ: *Уважаемые друзья! В рамках Фестиваля «БиблиОбраз-2009» в Центральной детской библиотеке г. Калининграда состоялась презентация книги И.И. Тихомировой «Как воспитать талантливое читателя», и в адрес автора потекли письма-отзывы. Знакомим вас, дорогие наши читатели, с одним из таких писем, намеренно не меняя жанра. Автор письма в чем-то соглашается с автором книги, порой спорит с нею. Готов ли ребенок к творчеству и сотворчеству или он может быть только сопричастен творчеству взрослого? Возможен, будет ли востребован подход к проблеме автора книги в век нанотехнологий?*

Ждем и ваших писем с откликами, размышлениями, суждениями.

В.О. СКИТНЕВСКИЙ,

проректор по научной работе Кингисеппского филиала ЛГУ им.А.С. Пушкина

О талантливом читателе в объективной реальности

О книге И.И. Тихомировой «Как воспитать талантливое читателя»

Уважаемая Ирина Ивановна! Я решил послать Вам письмо. Захотелось вспомнить эпистолярный жанр, глядя на книжную полку с Вашими книгами. Теперь у меня на полке уже пятая ваша книга. Я ее вполне серьезно называю — «Тихомирова в двух томах».

Несколько слов о том, в какую эпоху она написана. Я имею в виду, конечно, разнообразие путей социализации детей в нашем обществе, расслоение которого сделало мир детства в России многополярным, выстроенным на основе рыночных отношений в культуре взрослых людей. Как всегда, дети смотрят на мир с высоты своего места, занимаемого их родителями в новой стратификации общества. И тут замечу, что для одних детей проблема, поднятая в Вашей книге, — очень ценный подарок для семей имущих, но вот для других, в которых не до талантливого читателя, эта проблема может показаться пиршеством во время чумы. Не обижайтесь.

Я много лет слежу за Вашими публикациями о детском чтении и хорошо представляю динамику вашей самоотверженной борьбы за неис-

сякаемость книжности и чтения в каждой семье и школе. Всегда Вы справедливо говорите о том, что в России книжность уходит своими корнями в самое начало русской культуры. Пусть не в каждой семье, но книга, даже в провинции, всегда источала нравственность и духовность, и потому русская интеллигенция испокон веков при-

растала талантливыми читателями.

Сегодня же не только книжность, но и семья и школа, оказавшись на переломе исторического времени, претерпевают кризис. Читатель XX века *переметнулся* в пользователи. Вы об этом сами много пишете. Это ведь Вам все чаще задают вопросы: «А кому сегодня нужен читающий

ребенок?», «А что, ему Интернета мало?». И вот Вы своей книгой прямо-таки «замахнулись» на них вот таким образом: «как воспитать талантливого читателя».

Что Вам сказать? Вы как были для меня Дон-Кихотом, так и остались. Но ...и я остаюсь Вашим Санчо. Блажен, кто верует. Может быть,

еще найдутся где-нибудь в российских библиотеках последние романтики, которые займутся этой работой. В библиотеках много ваших сподвижников и учеников. Хотя и им самим придется в этом помочь, вселить одну простую истину: хорошая, талантливая книга всегда сама найдет своего талантливого читателя. Только если не мешать ему в этом, не учить понимать, не помогать навязчиво, согласно плановым мероприятиям.

Теперь что касается тактики составления вашего сборника. Два тома книги — это две ее составные части, построенные по принципу **от сложного к простому**. Основная парадигма воспитания талантливого читателя изложена в первой части, а статьи прикладного характера — во второй. Это очень удобно для работы с книгой. Вторая часть книги, как мне показалось, воспринимается проще, понимается быстрее, да и сами авторы статей оказались просто на высоте. Их статьи, одобренные Вашими комментариями, по сути дела, превратили книжку в хорошую хрестоматию по теории детского чтения. Каждая статья в ней, при всей ее самостоятельности в сборнике, прекрасно вписывается в общий контекст книги. Каждый автор исходит из собственного бытия, из прошлого и настоящего, из пережитого им самим. Какую статью здесь ни взять, она живет своей жизнью, затрагивает нужные струны общего методологического инструментария.

Эта вторая часть — прекрасная установка на восприятие первой части, более сложной для понимания неподготовленным читателем. Она — большая Ваша удача. Именно ее я сделал бы первой, по принципу **от простого к сложному**. Но это так, к слову.

А помните, во времена нашего с Вами детства издавалась серия «Книжка за книжкой». И на рисунке еще был изображен читающий ребенок. Теперь, когда я беру вашу книгу «Психология детского чтения от А до Я» и беру теперь эту, то понимаю, что Вы с максимальной возможной полнотой надумали подвести итоги. Наконец-то Вы заявили о своем методологическом кредо относительно переосмысления процесса воспитания талантливого читателя. Я это вижу по широте подхода к проблеме, по глубокому ее переживанию Вами, по щедро представленному фактическому материалу. Все это, взятое вместе, делает книгу довольно серьезным, я бы сказал, научным трудом. Это не просто «разбор полетов». Нет, Ваша книга настраивает меня на размышления глубинные, на порождение смысла реставрации детского чтения в России.

Как и принято, историю вопроса Вы начинаете издавело. Интересный, обстоятельный разговор о тех, кто открывал пути в методику творческого чтения. Конечно, не забыли упомянуть добрым словом своих учителей. «Творческое чтение, — пишете вы, — это не мое изобретение. Его «изобрела» сама литература, ориентированная на сотворчество читателя... Творческое чтение соответствует субъективному характеру восприятия, который у каждого свой. Оно отвечает потребности растущего человека в развитии и самореализации. И, наконец, — это залог творчества нации, ее движения к прогрессу».

Не Вам напоминать, Ирина Ивановна, о том, что в истории развития детского чтения в России никогда не было идеальных условий для решения проблем детского чтения. Исключение составляет, может быть, только советский период, когда чтение народа в целом, и детское чтение в частности, было, как тогда отмечалось в одном из словарей, «объектом постоянной заботы и внимания КПСС и советского правительства» (1. С. 597).

Потому и были мы самой читающей страной в мире.

С большим удовольствием прочел главу об особенностях творческого чтения. Совершенно нетривиальный подход к проблеме. Можно бы даже усилить научную ее сущность. Ваша парадигма воспитания творческого читателя оформлена, как всегда, с присущей Вам скромностью, с боязнью, как бы чего здесь не приняли за методологию.

Чем интереснее глава, тем больше мыслей рождает она и стимулирует к диалогу, к раздумьям. Хотел бы высказать еще одно уточнение относительно понятий «творчество» и «сотворчество». Я помню, как тяжело издавалась книга известного ленинградского ученого-методиста А.М. Левидова «Автор — образ — читатель» в 1977 году. Тогда, участвуя в редактировании его книги, в предисловии к ней вы писали: «...А.М. Левидов упорно искал термин, достаточно емкий, чтобы охарактеризовать диалектическую сложность, внутреннюю неисчерпаемость художественных образов, созданных великими писателями-классиками русской и мировой литературы». (2. С. 9).

Вы пишете: «Книги его надо читать, и на них учиться мастерству восприятия художественных произведений. Вместе с этим учиться познавать судьбы людей, сложность человеческих взаимоотношений, вдумываться в жизнь, в противоречия действительности, в тонкость и глубину человека, осознавать сущность творчест-

ва писателя, отвечать на него собственным творчеством».

Да, творческие, талантливые люди сегодня обществу очень нужны. Но это только взрослых творческих людей можно квалифицировать по результатам их деятельности. Ну, например, шедевры художника, писателя, а в науке и технике — открытия, проекты. Но мы с Вами речь ведем о читателях-школьниках, которым еще надо научиться творческому чтению. Вы сами недавно выразили сожаление по поводу отсутствия образа читающего ребенка в литературе. А я бы сказал, что эта проблема, скорее всего, философская.

Творчество читающего ребенка на фоне философской антропологии детства позволяет глубже взглянуть в поставленную вами проблему. Детство, как известно, нестабильное состояние человека, и потому скоротечный период его не всегда позволит четко зафиксировать конечный продукт читательской деятельности ребенка. Но, судя по вашему тексту, вы приблизились к известному философскому принципу: «Все во всем, но в каждом — особым образом». Это очень уместно в приложении к детскому чтению, поскольку мысль очень емкая, почти голографическая. Хорошо бы развить этот посыл дальше, глубже.

Да, смена субъектов жизнедеятельности в России сегодня потрясает своей жесткой реальностью. В этой связи новые субъекты совершенно не нацелены решать свои проблемы с помощью книги, тем более, с помощью детского чтения. Они заняты другими смыслами. У них есть для этого свои, совершенно другие средства смыслопорождения. И это вполне закономерное явление при переходе общества от диктатуры пролетариата к диктатуре демократии.

Вот Вы пишете: «Термин “творческое чтение” не включен сегодня в библиотечный научный оборот. Период его забвения длится уже многие десятилетия. Нет упоминания этой проблемы и в Национальной программе поддержки и развития чтения в России... Но более всего озабочены этой проблемой лучшие детские библиотеки страны... Для них и с их участием создавалась эта книга».

Продолжая сохранять идеи прекрасного ленинградского ученого-методиста А.М. Левидова, вы приоткрываете занавес совместно с ним отработанного методологического направления относительно творчества читателя. Да, А.М. Левидов первым использовал методологию, основанную на философии, на ее классических категориях. Однако времена были не те. Он опередил время. Тогда философия была

другая. Сегодня же в Вашей книге я уловил мысль о том, что творческое чтение реализуется быстрее при участии таких философских универсалий как онтологические и аксеологические корни, которые уходят далеко в глубь нашей жизни. Вы напрямую это не захотели говорить, но об этом красноречиво сказали авторы статей во второй части Вашей книги.

И еще. В разделе «Свойства творческого чтения» Вы пишете о левидовском термине «сотворчество». Мне представляется, что относительно ребенка и подростка феномен **сотворчества** следовало бы раскрывать осторожнее. До настоящего сотворчества ребенку еще далеко. Сначала, как мне это представляется, на арену может выйти только понятие **сопричастности** с творчеством. Само творчество придет позже. Сначала дать дорогу сопричастности, налаживанию отношений с текстом и, особенно, сопереживанию происходящему. Так обычно детям покупают одежду «на вырост».

Концепцию воспитания талантливого читателя в Вашей книге я тоже представил как предпосылку, рационально рассчитанную «на вырост», на будущую общую культуру школьника.

В этой связи несколько моих мыслей в контексте Вашего исследования относительно проблемы соотношения творческого чтения с эмпатией¹. Я думаю, Вы со мной согласитесь в том, что художественная литература в модели детского чтения — очень перспективная модель для изучения. Здесь нельзя пройти мимо эмпатических способностей юных читателей. Это было бы необходимым условием воспитания творческого чтения. Вы где-то уже тоже писали об этом, но, как всегда, говорили, исходя только из эмпирических закономерностей, в то время как у Вас были и есть возможности это сделать и на уровне методологии.

В свое время замечательный отечественный философ Э.В. Ильенков отмечал, что «самая драгоценная способность, которая составляет необходимый момент творчески-человеческого отношения к окружающему миру», — это способность видеть предмет «глазами другого человека», «с его точки зрения, не превращаясь реально в этого другого». (З. С. 50)

То, о чем пишут родители, учителя и библиотекари во второй части Вашей книги, как раз и есть работа, направленная на **сопричастность**, подчеркивающую отношение читателя к **со-бытиям** в тексте. Во многих статьях сборника их авторы наводят на мысль о том, что об-

¹ Эмпатия — способность поставить себя на место другого человека (или предмета), способность к сопереживанию.

щаться с текстом — значит «*по-бывать*» в нем, пережить конкретные *со-бытия*. Потому глубинное общение и позволяет увидеть Бытие человека, его непосредственную сущность. **Само бытие и есть общение.**

А далее, что ни глава, то новые мысли. Там, где Вы пишете о лучших текстах для детей, замечу еще одно. Да, дети очень любят событийность, действия, тем более если они сопровождаются речью, диалогами. Действительно, событийная фактура небольшого художественного текста быстрее заинтересует ребенка, поможет ему: «увидеть невидимое», «проникнуть в глубину души», «в чужой строке узнать себя» и многое другое. Именно *со-бытия*, увлекающие за собой читателя, и упрощают сложность проникновения в текст, делают общение с ним глубинным, привлекательным. Бытие в тексте и бытие в личной жизни читателя всегда соприкасаются. Два бытия становятся «сопричастными», каким бы по содержанию это бытие ни было. **В событии текста не может не быть бытия.**

Так, у Ярослава Гашека чудаковатый и браваый солдат Швейк об этом говорит: «Пусть будет так, как было, ведь как-нибудь да было: никогда так не было, чтоб никак не было». Очень уж ценная мысль бравого солдата относительно вездесущности бытия. На самом деле, если есть бытие, то оно везде и всегда какое-то, т.е. вполне определенное бытие. Каким бы оно ни было, но оно всегда есть. Следовательно, для творческого чтения ребенка оно (бытие!) имеет очень важное значение, и потому мы вправе говорить именно об онтологической установке на успешное восприятие и понимание художественного текста, пусть даже сложного по стилистической конструкции.

Примерно вот так я понял некоторые разделы в первой книге о свойствах творческого чтения и его неисчерпаемых возможностях. Я вполне согласен с Вами, что все это непростая работа. Да, она требует предварительного научения читателя глубинному общению с текстом. И не каждый родитель может с этим справиться, если не усвоит простую истину о том, что помогает ребенку увидеть мир через призму своего семейного быта, мира родной семьи, ее истории и настоящего.

Дидактика обучения творческому чтению уже не может конструироваться на старых педагогических технологиях, к которым мы с вами привыкли. И если учесть, что отсутствие понимания всегда приводит к бессистемным высказываниям и к путанице сути вещей, то в вашем дискурсе о талантливом читателе появляется

возможность несколько упорядочить методологическую основу. И чем интереснее Ваша книга страница за страницей, тем гармоничнее вписываются статьи Вашего сборника в Вашу прекрасную идею.

Поверьте, государственная политика сегодня не собирается утверждать детские идеалы, в том числе и в детском чтении. Это мы уже пережили в недавнем прошлом. Мне представляется, что изначально воспитание талантливого читателя — это все-таки прерогатива самой семьи, родителей. На государственные силы надеяться нельзя. Благополучие детства исходит, прежде всего, из семьи. А равнодушие государства к детскому чтению и детской литературе сегодня видно даже по «Национальной программе развития и поддержки чтения», в которой детское чтение даже не упоминается.

Присланные Вам материалы Вы поместили во вторую часть сборника и сами назвали их «светящимися звездочками на библиотечной карте России». «От этих звездочек, — пишете Вы — я верю, зажгутся другие. От тех — еще и еще. Как олимпийский огонь, будет переноситься эстафета Культуры, творчества, Нравственности и Добра от города к городу, от библиотеки к библиотеке».

Сегодня, когда мы стали все независимыми и свободными, в чтении все изменилось. От него просто отошли. К сожалению, отошли и дети. Закрываются детские библиотеки, никто не знает современных детских писателей. *Сегодня свобода незнания.* Незнайки на Земле смогут летать в космос?

Я понял, что основная цель Вашей книги — защитить мир ребенка и подростка от безнравственности и бездуховности. Вот здесь и необходимо методологическое единство, но... на основе концептуального плюрализма. Пусть Ваша парадигма творческого чтения будет сегодня взята за основу. Но ведь кто-то может представить и другую. У Вас много мыслящих учеников.

На мой взгляд, необходимо и Вам вслед за этой книгой написать еще одну, допустим, в контексте мышления и речи. Было бы неплохо акцентировать внимание на проблеме с точки зрения онтологизации текста для детей и подростков, не забывая при этом, что специфика детской литературы не всегда мирно уживается с классическим литературоведением. Совершенно уместно было бы продолжить Ваши идеи и в онтологизации самой модели читающего человека. Чем внимательнее читаешь Вашу книгу, тем больше пищи для размышления, тем острее переживаешь ситуацию с детским чте-

нием, напоминающую сходную с ней, когда пи-
лишь сук, на котором сидишь.

Воспитать талантливого читателя могут и са-
ми книги, если они интересно, талантливо на-
писаны. Дети любят читать о поступках людей.
Для них очень важна сама динамика поступка
на фоне адекватного ему диалога. Но любить
одно, а понимать — другое. Так не учить же нам
снова пониманию, навязывая ребенку свою
точку зрения. Пусть уж он сам «докопается» до
смысла поступка, сам оценит его. Но это очень
непросто. Когда читаешь, например, Ф.М. Дос-
тоевского, философия поступка у которого
разложена «по полочкам», то не задумываешь-
ся сразу о таланте этого русского гения. Только
после чтения, почувствовав в себе тягу к реф-
лексии, понимаешь, как сам ты вдруг возвысил-
ся в мыслях.

Потому и смотрю на Вашу книгу как на ис-
следование прикладного характера, которое
нацелено на обучение читать умные книги, на
применение новых психолого-педагогических
знаний в современных библиотеках, на реше-
ние конкретных задач в области детского чте-
ния в целом.

И еще одна мысль, навеянная Вашей книгой.
Ведь все, что происходит сегодня в глубинах
современной культуры, может стать ответом на
многие кризисы нашего общества, в том числе
и на ситуацию в детском чтении. Помочь чита-
ющему ребенку осознать то, что происходит в
России, мы, взрослые, и сами-то не можем. На-
ивное видение детьми происходящего превра-
щается в оппозицию нам, взрослым и опытным
людям. Их оценки художественных произведе-
ний на уроке литературы почти такие же, как ес-
ли бы мы с Вами сегодня оценивали картину
«Голубой всадник» В. Кандинского.

А все потому, что, прожив долго в стране, в
которой УЧИЛИСЬ ПОНИМАТЬ, но не МЫС-
ЛИТЬ самостоятельно, мы и сегодня продолжа-
ем понимать одно, а говорить другое, причем
потихоньку.

Вы написали о воспитании талантливого чи-
тателя-ребенка. Но тогда потребуются написать
о воспитании воспитателей из числа родите-
лей, библиотекарей.

Мы, взрослые, даже не заметили, что и сами
перешли незаметно в другую область мышле-
ния, подброшенную нам «из-за бугра». Рыноч-
ные отношения ввергли нас в новую языковую
сферу. Новый словарный запас объединил те-
перь и малых, и старых. Он сам по себе неве-
лик, не больше, чем у Элочки-Людоедки. Но
делаем вид, что все понимаем в инвестициях, в
дефолтах, в вучерах.

<...> Вы, Ирина Ивановна, все еще смотри-
те на объективную реальность глазами советс-
кого человека. Хотя, кстати, это ведь тоже
элемент творческого акта. Вы, как человек,
принимающий все эти вещи близко к сердцу,
мне кажется, просто внушили себе, что обще-
ственная значимость чтения, книжность в це-
лом и детская в частности, должны оставаться
неизменными. Нет, не могут, как не может ос-
таться неизменной в XXI веке и сама антро-
пология детства. Чтение сегодня сильно под-
вержено аутизму, оно как бы стесняется по-
мочь человеку жить в образе. Это становится
редкостью. Теперь все хотят рациональности,
причем в системе «здесь и сейчас». В таком
ритме жизни, в век нанотехнологий, с новым
видением мира, люди просто могут пробежать
мимо Вашей технологии формирования чита-
теля-творца, со всеми его воображениями и
эмпатиями.

Единственная отдушина для этой работы —
детские и школьные библиотеки. Но в них в
рамках массовой работы могут просто загни-
потизировать будущего читателя-творца (да-
же в косноязычном исполнении), научить его
ПОНИМАТЬ прочитанное на «отлично». А это
прямое отклонение от психической и нрав-
ственной нормы человека. Это будет обыкно-
венное стимулирование воображаемого «Я» ре-
бенка, нужного школе для предстоящей
встречи с ЕГЭ.

Тем не менее, Вы своей книгой создали
прекрасные предпосылки для выхода библио-
текарей новой формации на не менее новый ру-
беж атаки — на проблему эмпатии как очень
важный феномен творческой способности чи-
тателя. И этот феномен не может быть отделен
от творчества. Вы сами всегда писали о роли и
месте сопереживания читателя в его творчес-
ком акте.

Ирина Ивановна, Вы человек настойчивый и
Вам еще много придется написать на эту тему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книговедение. Энциклопедический словарь. — М., 1982. — С. 597.
2. Левидов, А.М. Автор-образ-читатель. — Л., 1977. — С. 9.
3. Ильенков, Э.В. Об эстетической природе фантазии // Вопросы эстетики. — Вып. 6. — С. 50, 50—61.